

ФОТОГРАФИИ: НИКИТА РЫБАКОВ «ИЗВЕСТИЯ»

48→

Писатель **Василий Аксенов:**

«Домик во Франции — это как бы мое личное Переделкино»

ИЗВЕСТИЯ: То есть вы цените комфорт и респектабельность?

Аксенов: Да, такие нормальные буржуазные — точнее, мелкобуржуазные — условия. (Смеется.) Раньше ведь тоже всегда убегали из Москвы. Кстати говоря, это было предусмотрено Литфондом. Были Дома творчества, где все встречались, и в молодые годы сразу начиналась пьянка. Мы убегали зимой в Крым, в Сочи, летом в Прибалтику на острова. Я часто уезжал в Ницу, в Литву, или на остров Сааремаа в Эстонию. В Москве трудно было работать даже тогда.

ИЗВЕСТИЯ: При таких частых переездах есть ли что-то, без чего вы не можете обойтись?

Аксенов: У меня во Франции уже накопи-

ведущей пошивочной мастерской. И она свою комнату отдала маме, а сама жила в мастерской. Для мамы эта комната была чудом комфорта. А для меня — ужасно даже по сравнению с казанскими стандартами. Строение барачного типа, длинный коридор, жутковатые соседи.

Мама обладала свойством вокруг себя организовывать то, что я потом называл салоном. Она это делала даже в лагерном бараке. К нам приходили друзья, знакомые по лагерю, усаживались за стол, пили чай, говорили бог знает о чем. Для меня, как для советского мальчика, это было неслыханно. Там была фикция нормальной жизни: дети ходили во вполне нормальную школу, даже великолепную — со спортзалом, приличной столовой. Напротив был магаданский Дом культуры, где были концерты заключенных артистов. Там я начал впервые слушать джаз — «Большой Big Band» играл в стиле Глена Миллера.

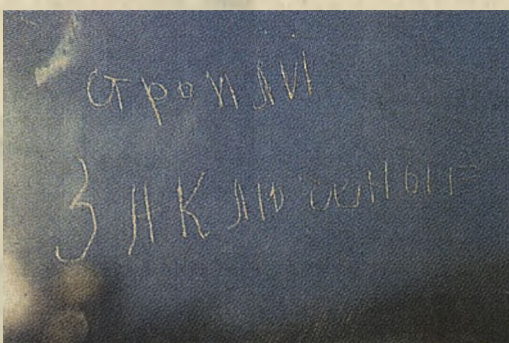
«Я никогда настоящим стилигой не был, но работал под стиль»

ИЗВЕСТИЯ: Когда вы уже перевелись в 1-й Ленинградский мединститут и переехали в Ленинград к тетке, это было счастливое для вас время?

Аксенов: Это была замечательная перемена жизни. Другая среда, началась «оттепель». Открываются запасы Эрмитажа, приезжают иностранные артисты: Ив Монтан, например, или группа «Everypart Орега» привезла «Порги и Бесс», впервые показали балет на льду. Друзья, литературные объединения, куда я стал ходить. Там был Бродский, Рейн, Найман, Илюша Авербах и другие. Мы все ходили в эти объединения, называли друг друга «старик», курили трубки...

ИЗВЕСТИЯ: Подражали Хемингуэю?

Аксенов: Конечно, подражали. Тогда вдруг стали воспринимать людей Серебряного века еще живые, стала появляться та литература, которую прятали, издания тех времен

Надпись на стекле эркера в кабинете Аксенова: «Строили заключенные»

вплоть до журнала «Аполлон». Были полуподпольные танцевальные балы, где играли джаз. Возникла вторая культура, совершенно противоположная советской. Одежда была либо самострой, либо фаршовка.

ИЗВЕСТИЯ: Как должен был быть одет настоящий стилига?

Аксенов: Я никогда настоящим стилигой не был, но работал под стиль. У меня есть рассказ «Три шинели и нос» — рассказ о трех моих пальто. Одно пальто я купил в Казани в комиссионке. Это было пальто одного из шанхайцев, джазистов. Жора Баранович, трубай, по пьянке сдал его в комиссионку, а я купил. (Смеется.) Настоящее американское пальто. Правда, очень старое. Оно было из верблюда. Я так его и называл — Верблюдо. Я в этом Верблюдо ходил с поясом. Кстати, с ним связана одна невероятная история. Я в нем ходил-ходил, оно уже стало просвечивать от ветхости, но я упорно его носил. Тетка возмущалась, кричала: «Ты ходишь как люмпен!». Прошел миллион лет, уже здесь, в Москве, при капитализме, был в Арбатском районе такой бутик «Роза Азора», который занимался старыми вещами, и там какие-то сборища бывали. Я там однажды был, и вдруг молодой человек лет 22–23 спрашивает меня: «А куда делось Верблюдо?». А я не помнил, куда оно исчезло. Он сказал: «Сейчас я вас удивлю». Вышел в соседнюю комнату и вернулся в этом пальто. Я был потрясен.

Пес Пушкин опытный путешественник — уже 15 раз пересекал Атлантику

ИЗВЕСТИЯ: Во время студенчества вы жили у тети?

Аксенов: Нет, я снимал комнаты в разных районах города. Это был богемный студенческий быт. Я четверть жизни спал под столом на раскладушке. Не было места. И это считалось нормальным. Эту раскладушку я тоже описал в рассказе «Зеница ока». Она называлась «Шехерезада». Когда я кончил институт, мы жили в порту на карантинной станции в пустом трехэтажном доме. Это был последний дом в Советском Союзе, за ним уже начинались нейтральные воды, мимо шли пароходы.

ИЗВЕСТИЯ: А когда пришла устроенность?

Аксенов: Я женился. Моя первая жена — Кира, москвичка. Переехал в Москву. Мы жили в коммунальном доме на Метростроевской улице — на Остоженке. В нем была коридорная система — это бывшие меблированные номера. Одна уборная на 30–40 квартир, и туда постоянно стояла очередь — люди с ведерочками. (Смеется.) У нас была крохотная комнатенка без всяких удобств. Чтобы пойти в душ, нужно было стоять в очереди в душевую в Арбатском переулке. А когда я уже стал печататься, мы вступили в кооператив, и в 1962 году у нас была первая нормальная двухкомнатная квартира на Красноармейской.

«Во дворе пылал куст, весь осыпанный огромными красными камелиями»

Букеровские дипломы Аксенов держит на столе

ИЗВЕСТИЯ: Когда вы эмигрировали, не было ощущения чужеродности, непривычности к новому укладу?

Аксенов: Это было очень серьезное изменение. Мне было легче, потому что я уже бывал в Америке и знал, что нас ждет. Сначала мы вели цыганский образ жизни. Приехали в Нью-Йорк, потом поехали в Вашингтон и везде жили у друзей, потом мы наконец бросили якорь в маленьком университетском городе Ан Арборе. Мы там сняли квартиру, по советским масштабам замечательную, а по тамошним — жалкую квартиренту. Потом мы поехали в Калифорнию, и к этому времени я купил первый американский автомобиль. Все наше имущество умещалось в сундуке, который крепился на крыше. Мы пересекли страну, достигли Тихого океана, Санта Моника, и там сняли опять квартиру и после полугода жизни там опять переехали. Наше имущество уже не помещалось в этот сундук, и мы взяли на прокат маленький прицеп, набили его битком и через всю

страну переехали в Вашингтон. Там опять мы сняли паршивую квартиренту, но очень близко к тому месту, где я работал. Затем мы вдруг сняли потрясающую элегантную двухэтажную квартиру с винтовой лестницей и гигантским окном, в котором виден весь Вашингтон. В ней мы жили три года. После этого мы купили свой первый дом — четырехуровневый townhouse. Машина уже была «Мерседес». Так все улучшалось. (Улыбается.)

ИЗВЕСТИЯ: С чем связан ваш переезд во Францию?

Аксенов: Это чистая случайность. Я как-то оказался в Биаррице летом, просто заехал туда из Тулузы отдохнуть. Я там ни разу не был, хотя читал не раз — у того же Набокова в «Других берегах», что тогда Биарриц был очень в моде в Петербурге. Знатные петербуржане весной переезжали в Биарриц и снимали там виллы. Я заехал туда летом в разгар сезона. Мне очень понравилось. Потом я решил поехать туда на 1 января 2001 года. Приехал туда один и остановился в гостинице. Просто интересно было, как это выглядит зимой. И в первую же ночь я гулял там по пустынным улицам и остановился возле агентства по продаже недвижимости. И первое, что я увидел в середине витрины, — картинку маленького домика. Там большинство домов в басконском стиле, а этот напомнил мне кинофильм «Веселые ребята» — Сочи, 1930-е годы. Беленский, небольшая терраска с пузатыми пилястрами. И я подумал: «Вот забавный домик». И на следующий день решил походить по агентствам. Но ничего не подходило: то слишком дорого, то слишком дешево. И вдруг я вспомнил про эту картинку. Зашел в это агентство, там нашелся молодой агент, который говорил бегло по-английски, мы тут же поехали в то место, на южную окраину города. Там потрясающий вид: отроги Пиренеев, похоже на восточный Крым, Коктебель. Вошли во двор, и я вижу пылает куст: весь осыпан огромными красными камелиями. И это решило все. (Смеется.) Мы сразу подписали договор, а потом я начал искать деньги на покупку.

ИЗВЕСТИЯ: Чувствуете в этом доме присутствие предыдущих жильцов?

Аксенов: В Америке, когда снимаешь, предыдущий хозяин должен сделать идеальный ремонт. Поэтому ты ни о ком не думаешь. А вот во Франции была такая мадам Ляфон, грустная пожилая женщина. У нее недавно умер муж, и она решила уехать к сыну. И присутствие этих людей чувствуется в саду. Их сад был очень хорошо 디자인ирован, с умом, с любовью все было сделано. И мы, хотя совсем не специалисты, стараемся поддерживать этот сад. В этом существует какая-то связь с мадам Ляфон. Правда, от ее мебели мы отказались — она была похожа на цековскую с ведомственными дач: тяжелая, под орех. Она все увезла. А мы сначала спали на надувных матрасах, потом стали покупать минимум того, что нужно для жизни. В дачном стиле. Плетеный гарнитур — стулья и кресла. Правда, я заказал себе вольтеровское кресло для кабинета и купил персидский ковер, настоящий, очень красивый. (Смеется.)

ИЗВЕСТИЯ: А как появилась квартира, в которой мы сейчас?

лась библиотека, и я сейчас путешествую между Москвой и Биаррицем с маленьким чемоданчиком. А в остальном — я даже не знаю, где мои вещи: где лежат свитера, где висят куртки. Я уже забыл, что в Америке, что во Франции, что в Москве. Приезжаю сюда — здесь одни летние вещи, а зимние, оказывается, в Америке. Мне их посылают периодически по почте. В общем, полный раскардаш. (Смеется.) Вот Пушкин ездит с нами постоянно. Они с моей женой Майей Афанасьевной неразлучны, и он уже опытный путешественник — раз пятнадцать пересекал Атлантический океан. (На просьбу показать Пушкина Василий Павлович уходит в соседнюю комнату и выносит оттуда ворчащего тибетского спаниеля.)

ИЗВЕСТИЯ: Считается, что любимым местом в квартире у писателя должен быть кабинет или библиотека. Ваш случай?

Аксенов: В Биаррице я построил себе кабинет — пристройку к домику, и у меня там очень хорошо. Большая дверь в сад, а другая дверь на террасу, которая смотрит на океан, и я вижу сразу две страны — Францию и Испанию. Знаете, как в Израиле говорят: «А из нашего окна Иордания видна, а из нашего окошка — только Сирия немножко». (Смеется.)

«Самое сильное воспоминание, связанное с родительской квартирой, — приход НКВД»

ИЗВЕСТИЯ: Вы родились в Казани...

Аксенов: Да, а через 4 года после моего рождения родителей посадили...

ИЗВЕСТИЯ: Что это было за место?

Аксенов: Дом, в котором проходили мои детские годы, был довольно комфортабельный, потому что отец был председателем горсовета. Была большая пятикомнатная квартира с ванной. У отца был автомобиль с шофером, и все это было по тем стандартам на высоком уровне. Потом это все было разрушено, меня увезли в детский приемник. Из специального детского дома для детей арестованных меня выгнали мой дядя, и я жил у тетки до 16 лет. Огромная коммунальная квартира, переполненная комната, масса соседей. Жалкий довольно быт, но, как ни странно, веселый — дети, шум.

ИЗВЕСТИЯ: Какое ваше самое сильное воспоминание, связанное с первой родительской квартирой?

Аксенов: Приход НКВД за мной.

ИЗВЕСТИЯ: А что было после Казани?

Аксенов: В 16 лет я уехал к маме в Магадан. Отец это время был в Коми. В другой системе лагерей. Его я не видел до 1955 года — у него срок был больше. Она вышла из лагеря и поселилась в Магадане. Можете представить себе, что это за город. Страшный, окруженный ключевой проволокой, сторожевыми вышками с этапными заключенными, которые шли из порта. У нее ничего, по сути дела, не было. Ее подруга, с которой она провела эти годы в лагере, немножко раньше освободилась и стала за-

Аксенов: Это тоже целая история. У нас была квартира, оставшаяся от Майиного мужа Романа Кармена в этом же доме, только не в этом корпусе. И его уже не было, когда мы с ней решили уехать. В квартире осталась ее подруга — вдова писателя Балтера. Она жила в ней в течение всего «застоя», и никто ее не трогал, а когда началась перестройка, комендатура взломала дверь, вынесла все вещи и вселила туда какого-то человека. Мы остались без квартир: дачу в Переделкине я отдал сыну перед отъездом. Нам негде было жить в Москве. Жили в гостиницах, у Войновича один раз останавливались. После августа 1991 года правительство Москвы в лице Станкевича и Попова дало нам ордер на новую квартиру. Случайно она оказалась в том же самом доме. Майя пришла в комендатуру, а у них руки тряслись — они очень боялись, что сейчас их начнут наказывать, но потом быстро успокоились. И мы сюда въехали и нашли на одном из старых стульев напарпанную надпись: «Строили заключенные».